

**РОССИЯ И ФЕНОМЕН ПОСТСОВЕТСКИХ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ ЦЕННОСТЕЙ И ВЫБОРЕ АЛЬТЕРНАТИВ**

Старостенко К. В.¹

Аннотация. Цель статьи рассмотреть дефиницию «политический провинциализм» и проанализировать феномен постсоветских государств в выборе своих ценностей. Статья состоит из трех частей, в которых нашло отражение обращение к таким понятиям, как «суверенитет», «политический провинциализм», «травматическое прошлое» и «ресентимент», активно используемым в современном политическом дискурсе. В первой части исследователь рассматривает теоретические аспекты понятия «суверенитет» во взаимодействии разных типов государств. Автор приходит к выводу, что суверенитет продолжает оставаться той ценностью, которая позволяет государству в любой момент времени реализовать присущие ему функции. Во второй части статьи раскрывается дефиниция «политический провинциализм» и анализируется феномен постсоветских государств. Анализируются способы и механизмы политического провинциализма, используемые для самоутверждения и консолидации новых «суверенных сообществ» на постсоветском пространстве. Третья часть посвящена рассмотрению политических практик постсоветских и постсоциалистических государств во взаимодействии с Россией, основными из которых выступают травматическое прошлое и ресентимент. Автор отмечает, что отождествление «русского» с дискредитированным «советским» позволяет нынешнему руководству этих стран сформировать у населения устойчивый образ «врага», представить Россию виновником всех неудач. При этом, чтобы получить политические и экономические преференции от Запада, политики многих государств постсоветского пространства и Восточной Европы активно используют элементы ресентимента и травматического прошлого. Все это в конечном счете весьма негативно влияет на взаимоотношения между Россией и западными странами.

Ключевые слова: суверенитет, политический провинциализм, травматическое прошлое, ресентимент, международные отношения, интеграция, постсоветское пространство, Восточная Европа.

Старостенко Константин Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой общей и прикладной политологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95, e-mail: Pilotskv@bk.ru

**RUSSIA AND PHENOMENON OF POST-SOVIET AND POST-SOCIALIST STATES
IN THE STRUGGLE OF VALUES AND THE CHOICE OF ALTERNATIVES**

STAROSTENKO K.V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, Head of the Department of General and Applied Political Science (Russian Federation, Orel), e-mail: Pilotskv@bk.ru

Abstract. The purpose of the article is to reveal the definition of "political provincialism" and to analyze the phenomenon of post-Soviet states in the choice of their values. The article consists of three parts, which reflect the appeal to such concepts as "sovereignty", "political provincialism", "traumatic past" and "resentment", which are actively used in modern political discourse. In the first part, the researcher examines the theoretical aspects of the concept of "sovereignty" in the interaction of different types of states. The author comes to the conclusion that sovereignty continues to be the value that allows the state at any time to realize its inherent functions. The second part of the article reveals the definition of "political provincialism" and analyzes the phenomenon of post-Soviet states. The methods and mechanisms of political provincialism used for self-affirmation and consolidation of new "sovereign communities" in the post-Soviet space are analyzed. The third part is devoted to an examination of the political practices of post-Soviet and post-socialist states in interaction with Russia, the main of which are the traumatic past and resentment. The author notes that the identification of the "Russian" with the discredited "Soviet" allows the current leadership of these countries to form a stable image of the "enemy" among the population, to present Russia as the culprit of all failures. At the same time, in order to receive political and economic preferences from the West, politicians of many states of the post-Soviet space and Eastern Europe are actively using elements of resentment and a traumatic past. All of this ultimately has a very negative impact on the relationship between Russia and Western countries.

Keywords: sovereignty, political provincialism, traumatic past, resentment, international relations, integration, post-Soviet space, Eastern Europe.

Введение

Характерной особенностью международных отношений на современном этапе является интенсивное развитие процессов интеграции. Начиная со второй половины XX века, интеграция стала значимым инструментом, ускорившим развитие национальных экономик большинства стран – членов интеграционных объединений, повысив их политическую значимость и конкурентоспособность на мировом рынке. И уже сегодня трудно представить деятельность какого-либо субъекта международных отношений в изоляции от окружающего мира.

Однако, как ни парадоксально, наряду с процессами интеграции в современном глобализирующемся мире наличествуют и процессы дезинтеграции, приводящие к

распаду государств или межгосударственных образований. И хотя причины и конечные цели у членов интеграционных блоков, ратующих за свободу, могут сильно различаться, начальной целью является обретение своей независимости.

И тут важно заметить, что как при интеграции, так и при дезинтеграции перед учеными встает несколько актуальных вопросов:

- во-первых, на основе чего у национально-территориальных автономий возникает тяга к самостоятельности?
- во-вторых, почему автономия, получив абсолютную самостоятельность (суверенитет), теряет ее, войдя в состав другого наднационального объединения?
- в-третьих, как меняется статус государства при вхождении его в какой-либо союз или объединение?
- в-четвертых, продолжат ли в XXI веке государства оставаться той несущей конструкцией, каковой они являлись долгое время в мире, или постепенно вытеснятся другими структурами и институтами?

К сожалению, рамки одной статьи не позволяют достаточно глубоко проанализировать обозначенные аспекты, поэтому мы остановимся на отдельных из них, а именно на рассмотрении таких феноменов, как «суверенитет» и «политический провинциализм», которые активно используются в современном политическом дискурсе.

Теоретические аспекты понятия «суверенитет» во взаимодействии разных типов государств

Приоритет в первенстве использования понятия «суверенитет» принадлежит Ж. Бодену, определившему данный феномен как абсолютную непрерывную во времени власть государства. При этом стоит подчеркнуть, что ученый идентифицирует суверенитет страны с субъектом высшей государственной власти – монархом. Именно французский король, по мнению ученого, должен стать олицетворением подлинной монархии и являться суверенным главой государства, что позволяет сделать вывод, что Ж. Боден в своей теории предпочтение отдает монарху, а не государству как политическому институту.

Необходимо отметить, что еще ранее, не используя термин «суверенитет», идею абсолютного суверенитета монарха выдвигал флорентийский мыслитель и политический деятель Н. Макиавелли. В целях оптимального воздействия власти на общество он не проводил четкого разграничения между правителем и государством. Наделяя государственный суверенитет особой силой, исследователь пытался выработать действенный механизм, способный прекратить феодальные междоусобицы. Вполне очевидно, что идеи Н. Макиавелли, непопулярные для современных демократических форм правления, были весьма актуальны для того времени, так как лишь сильный правитель, наделенный неограниченной властью, смог бы сплотить раздробленное итальянское государство.

Немецкий ученый Г. Еллинек определял суверенитет государства как «способ-

ность к исключительному правовому самоопределению»¹. Если над властью нет иной власти, то в этом случае власть можно назвать суверенной, верховной и независимой. По отношению с другими субъектами мировой политики можно говорить о верховенстве власти государства на международном уровне, а в отношениях с гражданами – внутри страны. В пример ученый приводит образования, которые автономны, выполняют необходимые государственные функции, но по ряду причин не суверенны.

Американский лингвист Л. Оппенгейм, соглашаясь с мнением немецкого исследователя, отмечает, что «в современном мире наряду с государствами, обладающими полным суверенитетом», существуют также полусуверенные государства². Таким образом, ученый ставит под сомнение существующий в то время научный тезис, что суверенитет является основным признаком государства, и подводит нас к мысли о том, что наряду с абсолютным может существовать и суверенитет относительный.

В научный оборот термин «полусуверенный» был введен немецким правоведом И.Я. Мозером, характеризующим данным понятием образования, обладающие территориальным верховенством лишь в пределах своих границ. Некоторые исследователи ошибочно относят к «полусуверенным» субъекты федеративного государства. Так, суверенитет – это качественный признак государственной власти. Субъекты федерации, даже в случае закрепления в основном законе государства принципа их ограниченного суверенитета, будут наделены лишь отдельными государственными полномочиями в соответствии с механизмом разграничения полномочий между двумя уровнями органов государственной власти. В самостоятельной компетенции субъектов федерации остаются вопросы личной жизни своего сообщества.

Австрийский исследователь Г. Кельзен, делая акцент на относительности государственного суверенитета и даже отрицая его необходимость, утверждает, что «абсолютный суверенитет одного государства с неизбежностью исключает суверенитет любого другого государства»³. С данным утверждением можно полностью согласиться.

Так, несмотря на то что отдельные исследователи и говорят о европейской системе суверенных государств как о каком-то политико-территориальном идеале, категория традиционного суверенитета в данном случае неприемлема в связи с тем, что власть в определенных областях передана странами ЕС на наднациональный уровень. Хочется возразить тем исследователям, которые утверждают, что этого не произошло, так как государства – члены ЕС лишь наделяют надгосу-

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. ст. И.Ю. Козлихина. – СПб., 2004. – С. 363.

² Международное право: Мир. Перевод с английского. Т. 1: Полут. 1 / Оппенгейм Л.; под ред.: Крылов С.Б. (Предисл.); пер.: Лаутерпахт Г. – М.: Инostr. лит., 1948. – С. 130.

³ Kelsen H. General Theory of Law and State. – New York, 1995. – P 86.

дарственные органы полномочиями для осуществления функций государства, а не суверенитетом. Основным доводом является то, что государства, входящие в Евросоюз и несогласные с политикой, проводимой Союзом, могут всегда воспользоваться суверенным правом одностороннего выхода из него.

Первой страной, решившей покинуть Евросоюз, стала Великобритания. Основная причина – это неспособность руководства ЕС решить политические, социальные и экономические проблемы страны в условиях кризиса. Обретя независимость, Британия получила экономический и политический суверенитет и вновь стала самостоятельным игроком на международной арене.

Наиболее показательным в плане потери своего политического и экономического суверенитета является пример стран Балтии, вошедших в ЕС с целью повышения уровня своего экономического развития и обеспечения коллективной безопасности. Фактически сразу же экономики Прибалтийских государств, не выдержав конкуренции, впали в полную зависимость от иностранных вложений. И хотя на первоначальном этапе восточноевропейского транзита макроэкономические показатели всех трех стран выросли, однако сегодня уже говорят о значительных социально-экономических издержках: фактическом отсутствии промышленного производства; снижении уровня жизни; увеличении внешнего долга; высоком уровне безработицы; росте трудовой миграции и пр. В целом все это можно найти в официальных источниках.

Эстонский политик Э. Сависаар в своих трудах весьма негативно обрисовывает общую ситуацию, произошедшую с бывшими постсоветскими республиками. Анализируя те десять лет, которые Прибалтийские государства находились в Евро союзе, Э. Сависаар пытается вычлнить положительные моменты, однако это сделать очень трудно. Так, например, с вхождением в еврозону во всех странах Балтии произошло повышение цен на все товары. Наряду с другими европейскими государствами новые члены ЕС принимали участие в военных миссиях в Иране, Афганистане и на Балканах, прокладывая различные коммуникации туда, куда нужно было Евросоюзу. Политик говорит, что «если бы после выхода из СССР государства не потеряли бы своей самостоятельности, то они никогда бы этого не делали»¹.

Таким образом, в конце XX – начале XXI веков мы наблюдаем новое отношение отдельных ученых к государственному суверенитету – поворот в сторону его ограничения и даже отрицания. Так, например, немецкий правовед К. Шмитт отмечает, что эпоха государственности заканчивается, и государство как политическая организация, обладающая монополией принятия политических решений, будет низложено². Действительно, отдельными учеными уже о как свершившемся явле-

¹ Сависаар Э. Правда об Эстонии. Том первый. – Таллин: Изд-во Midfield OU, 2012. – 445 с. – С. 86.

² Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1.

нии говорится о способности ЕС к размыванию культурного кода всех народов и стран и появлении нового типа человека политического (*homo politicus*).

Все громче звучат голоса отдельных исследователей, что государство, как и его неотъемлемый признак суверенитет, будет постепенно нивелировано процессами глобализации и интеграции. О вступлении Европы в постсуверенную эпоху оптимистично утверждает американский правовед Д. Вейлер¹. Данное утверждение основано на примере того же Евросоюза, когда европейские государства, входящие в ЕС, пожертвовали своей независимостью, суверенитетом и делегировали свои полномочия на высший уровень, построив базу наднациональной европейской конструкции.

Необходимо подчеркнуть, что убеждены в том, что в условиях глобализации понятие «суверенитет» теряет свой первоначальный смысл, так как исчезает само государство, и представители постпозитивизма². Представители данного философского направления утверждают, что интеграция довольно сильно модифицирует функции и полномочия государства, переводя их на более высокий, транснациональный уровень. Думается, что все сильно упрощается.

Мы же согласны с мнением ряда ученых, которые очень сдержаны в своих высказываниях в отношении устранения суверенитета государств, а тем более их отмирания в условиях глобализации. Так, всегда останутся прерогативой того или иного государства такие его основополагающие функции, как обеспечение безопасности, проведение внешней политики, которые являются составляющими суверенитета. Именно эти жизненно важные сферы, специфичные для каждой отдельно взятой страны, всегда останутся прерогативой государства.

Вполне очевидно, что в контексте глобализации становится весьма сложно определить границы суверенитета современного государства. Ранее все было понятно, так как суверенитет относили к сущностным признакам государства. Теперь же, в условиях интеграции, исследователям приходится пересматривать собственно теоретические основы современного государственного суверенитета. В условиях интенсификации интеграционных процессов и возрастающей в связи с этим взаимозависимости государств можно говорить лишь об «относительности суверенитета», который обусловлен его зависимостью от исторического и социокультурного контекста.

Если же государство посчитает, что оно ущемлено в реализации своего суверенитета в каком-либо надгосударственном объединении, то государство может выйти из него. Наглядным примером является Великобритания. Так, еще в 70-х годах XX века европейское объединение рассматривалось Лондоном лишь как торговый и дипломатический блок, вхождение же в политический союз в его планы не входило.

¹ Weiler J. The Constitution of Europe, "Do the New Clothes have an Emperor?" and Other Essays on European Integration. Cambridge, 1998.

² См., напр.: Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford, 1998.

Весьма энергично препятствовала политической интеграции Британии М. Тэтчер, так как существовали принципиальные различия Лондона в позициях с ЕС по важным вопросам. И лишь с приходом к руководству страной Г. Брауна и получением определенных льготных преференций от Евросоюза Британский парламент ратифицировал Лиссабонский договор.

Занявший в 2010 году пост премьер-министра Великобритании Д. Кэмерон также добился многих политических и социально-экономических уступок от руководства Евросоюза. Однако с начавшимся в 2008 году экономическим кризисом государство продолжало испытывать серьезные трудности в социально-экономической сфере. Высокие, по меркам Лондона, размеры взноса в общеевропейский бюджет, несогласие с миграционной политикой способствовали проведению референдума, на котором победу одержали сторонники выхода из Европейского союза. Фактически отстаивание национальных интересов и сохранение внешнеполитических приоритетов оказались для Великобритании важнее, чем экономическая составляющая.

Выше мы уже говорили о странах Балтии, которые в гонке за экономическим ростом сегодня также испытывают трудности в социально-экономическом развитии. И если Великобритания имела многовековой опыт в вопросах самостоятельной государственности, то у Прибалтийских государств такого опыта не было, поэтому, осознавая дальнейшие проблемы по реализации проектов своей независимой государственности, они, выйдя из одного союза (СССР), вошли в другой (ЕС).

Дефиниция «политический провинциализм» и феномен постсоветских государств

Говоря о провинциализме, стоит отметить, что данному феномену в последнее время стало уделяться достаточно большое внимание со стороны как зарубежных, так и отечественных исследователей. Сегодня провинциализм рассматривается с философской, психологической, социологической, экономической, культурологической и, наконец, с политологической точек зрения. Как отмечает философ Ю.Л. Балюшина, от отношений «центр – периферия» или «столица – провинция» сегодня зависят успешность решения задач в социально-экономической и культурной сфере общества, существование самого человека, осознание им собственной идентичности¹.

Необходимо отметить, что продолжительное время слово «провинциальный» заключало в себе некий уничижительный оттенок, указывая на ограниченность интересов и узость кругозора у субъекта. И хотя сегодня оно не ушло из разговорной речи, однако продолжает содержать в себе что-то негативное и даже оскорбительное. Поэтому в аспекте нашего исследования считаем необходимым рассмотреть такие понятия, как «провинция», «провинциальность» и «провинциализм».

В словаре А.Н. Чудинова понятие «провинция» раскрывается как «область,

¹ Балюшина Ю.Л. Провинциальность как личностное свойство: социально-философский аспект // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 7. – С. 35.

земля вне Италии, доставшаяся завоеванием и платившая дань римскому государству как подвластная и управляющаяся проконсулом или пропретором»¹. В Древнем Риме слово «провинция» обозначало административно-территориальную единицу вне территории государства.

В русский язык понятие «провинция» пришло из польского, где данным термином обозначалось воеводство или губерния. С 1699 года в России согласно указу Петра I появляются три провинции (территориальные единицы) – Новгородская, Астраханская и Псковская. С 1719 года термин «провинция» стал уже обозначать территориально-административную единицу страны, так как указом Петра I все города Российской империи стали расписываться по провинциям. В 1775 году Екатерина II исключает провинцию из системы областных иерархий, заменив ее «губерниями» и «уездами». Несмотря на это, слово «провинция» продолжало использоваться в России в разговорном языке. Обычно данным понятием называли территорию, отставшую в культурном и социально-экономическом развитии от столицы и других крупных городов государства.

Сегодня термин «провинция» различными исследователями трактуется как географическое пространство, социокультурное сообщество, духовный потенциал и пр. В понятие «провинция» вкладывается смысл не только территориальной удаленности от «центра», культурной, экономической и социальной дистанцированности, но и зависимости от него во всех перечисленных сферах.

Подчиненное по иерархии положение по отношению к столице – наиболее очевидный и типичный признак «провинциального». Провинциальный тип сознания, противоположный столичному, весьма устойчив и формируется благодаря региональной культуре и местной медиасреде. Даже если признать, что проблема провинциализма в большей степени духовная, чем географическая, то именно средства массовой информации и коммуникации должны способствовать стиранию различий между «столичным» и «провинциальным». Однако этого не происходит. Информационная осведомленность лишь обостряет проблему провинциализма. СМИ способствуют провинциалу в вопросе сравнения своего образа жизни и тех стандартов, которые ему пытаются навязать. Об объективной их оценке индивидом, а тем более их дальнейшем усвоении говорить не приходится.

Таким образом, провинциализм отличает не неразвитость и необразованность, а особая психология. Ощущение ущемленности, отчужденности от возможностей современной цивилизации способствует формированию у провинциала чувства неприязни «центра», «презрительного отношению к столичным жителям и к их образу жизни». При этом, несмотря на скептическое, а порой и неприязненное отношение к столичной жизни, провинция пытается хоть как-то «приблизиться» к столице и «создает» пространство, аналогичное ей, называя свои местные достопримечательно-

¹ Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб.: Издание книготорговца В.И. Губинского, 1984. – С. 714.

сти «наш Арбат», «белый дом», «красная площадь» и пр. Все это свидетельствует о том, что провинциал не самодостаточен. Смыслы он постоянно ищет в «столичной» жизни. Так, например, для российского провинциала, живущего в области, мечтой является Москва, а московский провинциал стремится обосноваться на лондонских, парижских или женеvских просторах. Все это лишь свидетельствует о провинциальности российского чиновничьего мышления.

Выделяя негативные характеристики провинции, необходимо выделить и положительные, к которым можно отнести близость к природе, простоту бытия, естественность и спокойствие. Провинция, в отличие от мобильного, быстро видоизменяющегося центра, является своего рода фундаментом, консервативной структурой, оплотом духовно-нравственных ценностей, культурных традиций и преемственности поколений. В результате этого провинция обладает большим потенциалом в вопросе формирования творческой и деятельной личности, способной обеспечивать всесторонний прогресс того или иного общества.

В политологическом аспекте под провинцией можно понимать территориальные органы государственной власти, иерархически подчиненные высшим или центральным органам государственной власти и сформированные в соответствии с определенной пространственной структурой расселения населения по стране.

Необходимо отметить, что «политический провинциализм» – довольно новое понятие в современной политической науке. Однако, как отмечает украинский исследователь И.М. Варзарь, данное явление, нашедшее актуальность в наши дни в мировой политике, имеет древнеримское происхождение. Так, итальянский философ Дж. Вико (1668–1744), работая с архивными документами, натолкнулся на интересный доклад сенату молодого военачальника, находящегося «с контрольной миссией» в новоприобретенной Римом провинции. Полководец особо выделяет «низменность мысли и дел всех провинциалов – и плебеев, и свободных граждан, и даже назначенных Римом руководящих лиц...». По утверждению сената: «Подобный провинциализм может подточить и основы Великого Рима». Комментируя этот эпизод, Дж. Вико пишет: «Таков облик провинциализма от века и доныне. Каждый подчиненный человек, естественно, жаждет избавиться от рабства... но, оставаясь провинциалом, он совершает и подвиги, и ошибки, себе же подобные». Если же провинциалы «продадут свою естественную свободу властолюбцам», то в провинции «начнут возникать восстания, гражданские войны, и им всем итог – взаимное истребление наций»¹.

Исследователь приходит к выводу, что сегодня в транзитной Украине провинциализации интенсивно поддаются как «политические верхи», так и «народные низы». Перестало уделяться внимание таким необходимым элементам общественной жизни, как креативные инновации, социально-политические концепции постоянного

¹ Варзарь И.М. Политический провинциализм под аналитико-мизантропическим углом зрения // Наукові праці МАУП. – 2017. – Вип. 52 (1). – С. 6.

реформирования общественной жизни, экономическая жизнь общества и развитие демократии. Постепенно исчезли такие общечеловеческие понятия, как «трудящиеся», «толерантность», «патриотизм», «коммуникабельность» и т. п. «Верхи» увлекаются «искусством болтовни», а «низы» упражняются в умении понравиться всем, чтобы самозащитно прослыть «неуязвимыми в своей хате с краю». В результате каждый второй молодой житель хотел бы покинуть страну, а каждый четвертый взрослый ее покинул.

Как отмечает И.М. Варзарь, суверенизация и провинциализация украинского государства имеет двадцатипятилетнюю историю и прошла несколько стадий¹:

1) либерально-романтический патриотизм. Украинские политики в целях обретения независимости постарались «оторвать провинцию от имперской России» и передать ее развитию Западу в качестве «младшего партнера». При этом само общество так и не поняло о независимости страны или государства шла речь;

2) прагматический реформизм. Промосковски настроенные реформаторы «суверенизировали» страну, учитывая ее провинциальное прошлое и твердо нацеливаясь на то, чтобы «идти в Европу не со снятой шляпой униженного просителя, а в качестве равносильного партнера» (Л.Д. Кучма);

3) помаранчевый революционаризм. После «оранжевой революции» страна оказалась в позиции «двойной провинции» – и для России, и для Евросоюза: с геополитической точки зрения это центрально-европейский социум, а с точки зрения социокультурной – евразийский социум;

4) региональное «новостроительство запущенной страны». Это происходит в суверенной Украине в настоящее время.

Политическая практика убеждает, что украинская революция в своей основе имела не классовый, а национальный характер. Так, для зарождения революционной ситуации необходимо наличие угнетателей и угнетенных, а победа революции достижима лишь тогда, когда «низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут управлять по-старому.

В Украине (как и в отдельных государствах постсоветского пространства) роль угнетателя отводилась России, являющейся необходимым компонентом революционной ситуации, и данная ситуация будет неизменной, так как именно она способствует дальнейшему существованию украинского государства. Не случайно, что сразу после обретения независимости новым украинским руководством большое внимание было уделено украинскому языку. Именно ему (языку) необходимо было продемонстрировать не только различие, но и обособленность русского и украинского языков.

Особо стоит подчеркнуть: все то, что произошло за годы приобретения независимости в Украине и происходит сейчас, можно с полным основанием отнести ко многим бывшим республикам СССР. Отрицание общей истории и построение новой

¹ Там же: – С. 7-8.

по этническим признакам, отказ от кириллицы и переход на латинскую графику, насильственное вытеснение русского языка из публичной сферы, притеснение русскоязычного населения – это способы и механизмы самоутверждения и консолидации новых «суверенных сообществ» на постсоветском пространстве.

Травматическое прошлое и ресентимент: политические практики постсоветских и постсоциалистических государств во взаимодействии с Россией

Дискредитация всего «советского» и отождествление «русского» со скомпрометированным «советским» имеет как для некоммунистических руководителей в 1990-х годах, так и для нынешних их последователей одну главную цель – сформировать у населения своих стран устойчивый образ «врага», представить Россию виновником всех неудач как в прошлом, так и в настоящем. Именно в этом, по нашему мнению, и проявляется ярко психология обиженного провинциала. Слабая Россия перестала быть ориентиром в политике и экономике для государств постсоветского пространства и Восточной Европы. Теперь их взоры обращены в сторону Соединенных Штатов.

Политическая элита большинства новых независимых государств все чаще соглашается с правилами игры Вашингтона, активно проводя проамериканскую политику в отношениях с Россией. При этом главным в отношениях с США является финансовая составляющая – обеспечение безопасности своей страны отходит на второй план. Так, правительства Польши, Румынии, Венгрии, Словакии, Болгарии, Чехии и государств Балтии настаивают на постоянном военном присутствии иностранных войск на своих территориях. Польша требует увеличения контингента, несмотря на то что руководство Североатлантического альянса отрицают необходимость в усилении военного присутствия США в республике.

Удивительно, но ведь только недавно Россия и страны Балтии, входившие в СССР, а также суверенные государства Восточной Европы составляли единый лагерь социалистического содружества, являлись членами межправительственной экономической организации СЭВ, были связаны узами Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Сегодня же мы находимся на противоположных политических полюсах, выступая в роли противников.

В своей книге «Ресентимент в структуре морали» (1912)¹ немецкий исследователь М. Шелер определил ресентимент как имеющее всецело обусловленные причины и следствия самоотравление души, представляющее собой продолжительную психическую установку, причиной появления которой является систематический запрет на выражение душевных движений и аффектов (жажды мести, ненависти, злобы, зависти, враждебности, коварства и пр.), вызывающих склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. При чем обязательными условиями зарождения ресентимента являются осознание своего бессилия, зависть и стремление к соперничеству.

¹ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.

Нельзя говорить о ресентименте, по мнению Шелера, если импульс к мести (самый значимый элемент для формирования ресентимента) находит выход и может удовлетвориться. Таким образом, данный феномен возникает тогда, когда аффекты, призывающие к отмщению, не находят возможности реализоваться. При этом осознание своего собственного достоинства и ценности у индивида реализуется двумя путями: во-первых, принижением (дискредитацией) ценностных качеств объекта сравнения; во-вторых, полным игнорированием ценностей и ценностных установок, свойственных противоположной стороне, но являющихся «неудобными» себе в плане ощущения собственного достоинства.

Таким образом, понятие «ресентимент» точно раскрывает суть того, что происходит в случае деформации человеческой памяти. В аспекте этого уместно напомнить о двух несовместимых тенденциях в современной национально-этнической политике:

- политика самоутверждения, направленная на конструирование национальной идентичности и акцентирующая внимание на героике, чести, а иногда и на пафосе коллективного страдания. Так, травматическое прошлое позволяет национальной памяти выбрать для себя одну из ролей: победителя, одолевшего зло; борца или мученика, противостоявшего злу; пассивной, страдающей жертвы;

- политика покаяния, ставящая своей целью признание собственных злодеяний. Необходимо подчеркнуть, что признание ответственности за совершенные ошибки в прошлом также эффективно способствует интеграции в национальную память и негативных эпизодов своей истории. Так, например, Германия изъявила готовность оплакивать как собственные, так и чужие жертвы Второй мировой войны, пострадавших от нацистского режима.

- Дискурс идентичности государств Балтии также определен повесткой дня в отношениях с восточным соседом и его устойчивой демонизацией. В странах постоянно насаждается представление о себе как о несчастных и невинных жертвах, которые больше всех пострадали от больших наций и народов – немцев и русских. Они видят себя жертвами постоянных разделов, переделов, оккупаций, колонизаций, геноцида и тому подобных вещей. Не зря находившаяся в 2006 году с визитом в Латвии королева Великобритании Елизавета II откровенно посочувствовала жителям Латвии, пережившим, по ее мнению, с 1940 по 1991 год немецкую, а затем и советскую оккупацию.

Поэтому не случайно, что на процесс формирования новой, европейской идентичности важнейшее воздействие оказало и продолжает оказывать сегодня эксплуатация исторической тематики в отношениях стран Балтии с Россией. Причем жители Прибалтики полностью уверены, что они имеют право на какой-то особый подход к себе на международной арене со стороны больших государств и международных организаций в лице США, России, Германии, ЕС и НАТО.

В аспекте этого мы полностью солидарны с американским историком Ч. Майером, утверждающим, что одностороннее акцентирование внимания на отрицательных моментах прошлого способствует закреплению привилегированного положения «жертв». В сегодняшней мировой практике именно «страдания» для многих малых стран играют роль ценного достояния и важного символического капитала, способствующего приобретению соответствующих экономических благ и политического статуса. Привлечение внимания жертвы к себе, по мнению ученого, – становится беспроигрышной стратегией выживания для социальных меньшинств и действенным инструментом защиты их идентичности. Однако, как справедливо замечает Ч. Майер, это ввергает целые народы в уныние, приводит к застою и коллективному самодовольству. Причем список «жертв» постоянно растет, что усиливает уровень конкуренции на получение жертвенного статуса¹. В целом с данным утверждением можно полностью согласиться.

Как справедливо отмечает немецкий историк А. Асман в своей книге «Новое недовольство мемориальной культурой», важной проблемой сегодня выступает односторонность национальной памяти. Так, например, нация, позиционирующая себя в роли коллективной жертвы, не всегда готова признать в своей истории существование собственных преступлений (например, пособничество фашистским оккупантам). При этом роль пассивной жертвы всегда беспроигрышна, так как снимает с нее самой всякую ответственность за прошлые преступления².

Поэтому важно отметить, что конец XX века был ознаменован появлением мемориальных исследований, подвергающих критическому анализу многие практики конструирования национальной памяти. Теперь решения в сфере исторической политики принимаются в большинстве своем на основе объективного внешнего и внутреннего наблюдения и обсуждения. Деятельность мемориальных исследователей способствует выведению травматического прошлого на нормативно-правовой уровень, способствующий объективному рассмотрению и оценке всех деяний, а следовательно, создающий препятствие забвению прошлого.

Вполне очевидно, что геополитические процессы прошлого и настоящего оказывают сильное влияние на особенности функционирования малых государств, которым в наибольшей степени присуще заражение вирусом провинциализма и ресентимента. Так, по мнению испанского политолога Жозепа М. Коломера, всего около тридцати государств (основные – США, Китай, ЕС, Япония и Россия) являются суверенными, а остальные три пятых, хотя и признаны международным сообществом независимыми, на деле являются «несуверенными малыми политическими образованиями»³.

¹ Maier Ch.S. A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy and Denial // *History and Memory*. - 1993. – Vol. 5. – № 2. – P. 143, 146.

² Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.

³ Colomer J.M. Great empires, small nations: The uncertain future of the sovereign state. – L.;

Соглашаясь с идеей М. Коломера, отечественный политолог М.В. Ильин выделяет четыре основных класса: мега-, макро-, мини- и микрогосударства. По его мнению, макро-, мини-государства пытаются всегда занять самостоятельную позицию, хотя порой это сделать крайне сложно. Свою статусность они обеспечивают за счет выстраивания взаимоотношений с мегагосударствами или соблюдением нейтралитета, помня, что излишнее дистанцирование их от мегагосударств грозит попаданием в класс государств-изгоев¹.

Политическая история убеждает, что малые государства, которые не обладают необходимыми ресурсами (политическими, социально-экономическими и пр.), не могут быть самодостаточными. Они всегда стоят перед непростым выбором: в состав какого государства или объединения им можно войти в целях своего самосохранения и развития? Наглядным примером является биполярный мир в годы холодной войны. Практически все малые страны оказались в сложной ситуации – выступать им на стороне СССР или США. Таким образом, макро-, мини- и микрогосударства вынуждены постоянно лавировать между мегагосударствами. При этом пространство для маневра может быстро сужаться в условиях повышенной неопределенности, вызванной обострением международной обстановки.

Необходимо подчеркнуть, что распад биполярной системы международных отношений в конце XIX века заставил макро-, мини- и микрогосударства разнообразить стратегии своего поведения, включая разнообразные формы и методы адаптации к быстро меняющейся международной ситуации. Этого настоятельно требовал процесс интенсификации интеграционных процессов. Наиболее популярными являлись два традиционных типа поведения: балансирование (*balancing*) и примыкание (*bandwagoning*).

Наглядным примером процесса примыкания является вхождение в состав Европейского союза в начале XX века суверенных государств Восточной Европы, а также ставших независимыми после распада СССР бывших союзных республик. В связи с утратой Россией военно-политической и экономической мощи бывшие партнеры по социалистическому лагерю примкнули к сообществу других, более сильных государств ради получения экономических и политических выгод.

Войдя в состав ЕС, все новые члены были вынуждены, как мы уже отмечали выше, поступиться частью своего суверенитета с наднациональными органами. И, к сожалению, многие из них даже не пытались предвидеть, что, интегрировавшись в Евросоюз, они поставили себя в ситуацию младшего партнера по отношению к европейским гигантам. Фактически, приняв на себя обязательства государств – членов ЕС, они согласились играть лишь второстепенную роль, так как голоса таких авторитетных членов организации, как Германия и Франция, будут всегда ве-

N.Y.: Routledge, 2007.

¹ Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. – 2011. – № 3 (5). – С. 11-19.

соее. При этом институциональная адаптация вновь принятых членов в Евросоюзе выражалась в добровольном принятии концепта надгосударственного контроля.

Отметим, что политика макро- и мини-государств, входящих в ЕС, различалась значительно, что свидетельствовало о нелинейном характере интеграции. Так, если страны Балтии, а также Болгария и Румыния безоговорочно приняли все издержки интеграции, лишь бы ускорить процесс вхождения в региональную группировку, то Венгрия, Польша и Чехия, имея собственные интересы в Восточной Европе, не торопились принимать на себя новые интеграционные обязательства.

Особенно ярко противоречия между Брюсселем и руководством этих трех государств проявились в вопросе приема беженцев и мигрантов. Будапешт, Варшава и Прага выступили категорически против принятия и размещения их на территории своих государств. Все страны аргументировали отказ угрозами «суверенитету и культуре». В Чехии большинство граждан выступили за возобновление охраны своих границ, несмотря даже на то, что это может в конечном счете привести к ограничению свободного передвижения европейских граждан. Именно различия в подходах к политике развития ЕС и сегодня оказывают большое влияние на цели и темпы его расширения.

При этом стоит подчеркнуть, что бывшие республики СССР (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдавия и Украина) имеют своей целью сближение с Евросоюзом, а в перспективе и вхождение в его состав. Этому в полной мере способствует политика Восточного партнерства, проводимая ЕС в отношении шести бывших советских республик. Как мы отмечали выше, основным мотивом политики примыкания макро-, мини- и микрогосударств к мегагосударствам является получение выгоды, и в случае неэффективной внешней политики Российская Федерация может лишиться части своих партнеров.

Фактически Евросоюз является прямым конкурентом Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), где региональный лидер Россия объединяет примыкающие к ней субъекты – Армению, Беларусь, Казахстан и Киргизию. К сожалению, стоит отметить, что, хотя ЕАЭС и демонстрирует высокие темпы развития, однако по уровню интеграции он находится ниже ЕС. Поэтому Беларусь, Азербайджан и Армения в своей внешнеполитической деятельности постоянно маневрируют между Россией и Западом, приспособливаясь к изменениям внешней среды.

Как и в случае с макро-, мини-государствами ЕС, руководство стран ЕАЭС в интеграционных процессах при главенствующей роли России также использует различное соотношение балансирования и примыкания. Так, если Азербайджан, Армения и Казахстан занимают сдержанно оптимистичную позицию, то белорусско-российские отношения, на которых хочется остановиться более подробно, до недавнего времени не были лишены острых двусторонних конфликтов. Можно выделить четыре основных проблемы во взаимоотношениях между Москвой и Мин-

ском:

- во-первых, Москва была недовольна, что Минск отказывается следовать в фарватере ее внешней политики и сохраняет нейтралитет в противостоянии Россия – Запад;
- во-вторых, Беларусь не устраивали цены на поставки российской нефти и газа;
- в-третьих, ограничение Россией экспорта продуктов из Белоруссии. Россия пыталась поддержать своего производителя. Экспансия продуктов из Белоруссии приводила к осложнению положения значительной части местных производителей молочной, хлебной и мясной продукции, которые не в состоянии конкурировать с белорусской продукцией в ценовой части;
- в-четвертых, установление Москвой паспортного контроля на российско-белорусской границе. Это объяснялось тем, что Минск разрешил безвизовый въезд на пять дней гражданам восьмидесяти стран, с которыми у России действует визовый режим.

Как показывает практика, из всего спектра проблемных вопросов временный компромисс удавалось найти только по поставкам нефти и газа.

К сожалению, в условиях глобальной пандемии проблемы только выросли. У двух стран проводится разная политика в борьбе с пандемией. Россия, объявив карантин, закрыла границу с Беларусью, а попытки оказания гуманитарной помощи или сотрудничества в борьбе с эпидемией были недостаточно эффективны. Все это позволяло говорить о нарастании напряженности, особенно на фоне подготовки к конституционным реформам и в России, и в Беларуси.

По нашему мнению, проблема состоит в том, что если Россия постепенно возвращается к статусу ведущей мировой державы, то Белоруссия продолжает оставаться в статусе небольшой республики без самодостаточной экономики, зависящей от российских субсидий. Россия для скорейшего создания Союзного государства пытается выстроить такую экономическую модель, которая бы ускорила этот процесс. Пытаясь противостоять этому, глава Беларуси поставил задачу правительству диверсифицировать рынки сбыта, чтобы снизить экономическую зависимость от Российской Федерации.

5 июня 2020 года на встрече в Минске с премьером Венгрии В. Орбаном президент Белоруссии отметил, что взаимоотношения между Белоруссией и Евросоюзом, а также с НАТО с каждым годом становятся все более прагматичными, равноправными и продуктивными. Ранее белорусский лидер, недовольный низкой платой Москвы за размещение ее военных объектов в республике, выразил готовность участвовать в совместных военных учениях НАТО, что нашло поддержку у генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга. Вполне очевидно, что для США отношения с Белоруссией – это политическая игра в регионе, целью которой является демонстрация своего внешнеполитического влияния и осуществление попытки оторвать Бела-

русью от ее главного союзника – России. Для Беларуси шантаж России о возможном сближении с НАТО являлся элементом торгов по снижению цен на нефть, иной протекции, получения кредитов, а также механизмом нейтрализации усилий России по созданию Союзного государства.

Как бы то ни было, до недавнего времени белорусскому лидеру удавалось на равных с вести свой диалог с Россией. Несомненно, что этому способствовало выгодное геополитическое положение Белоруссии, разрешающее в определенной степени шантажировать и Россию, и Евросоюз, и США. Игра на европейском и американском фронтах позволяла Минску обеспечить баланс, при котором у Белоруссии сохраняются ресурсы – и экономические, и финансовые, а в целом – и государственный суверенитет.

Все резко изменилось после президентских выборов, состоявшихся 8 августа 2020 года. Сразу после их проведения и опубликования результатов по стране прокатилась волна протестов. Из руководителей зарубежных стран А.Г. Лукашенко поздравили руководители Китая, стран СНГ и России, от западных стран прозвучала лишь критика и поддержка оппозиционных лидеров. Вполне очевидно, что если бы не поддержка России, то Запад бы действовал более радикально по отношению к Белоруссии, и вполне возможно, что А.Г. Лукашенко пришлось бы оставить пост главы государства и назначить новую дату выборов. И вряд ли при сильном внешнем давлении и поддержке США и Евросоюза он смог бы снова эти выборы выиграть.

22 февраля 2021 года состоялась встреча лидеров российского и белорусского государств по вопросам экономики и пандемии. Как отмечают многие эксперты, глава Республики Беларусь пока не готов выполнять взятые на себя обязательства по созданию Союзного государства. Думается, что сейчас и не время это делать. Однако, как отметил А.Г. Лукашенко, почти все дорожные карты по различным направлениям сотрудничества двух стран готовы к подписанию. Можно надеяться, что после происшедших событий белорусский лидер будет не так оптимистичен во взаимоотношениях с Евросоюзом и НАТО.

Говоря о Казахстане, стоит отметить, что его политическое руководство пытается постоянно лавировать между интересами России и Китая. Однако, несмотря на растущее экономическое влияние последнего и вовлеченность в ряд китайских проектов (например, инфраструктурный «Шелковый путь»), сотрудничество с Россией в настоящий момент имеет для новых независимых государств более важное значение.

В заключение необходимо отметить, что политический провинциализм отдельных государств постсоветского пространства и Восточной Европы оказывает весьма сильное влияние на взаимоотношения между Россией и Европейским союзом. К сожалению, новые члены, быстро влившиеся в «общий поток», стали негативно влиять на общую политику ЕС. Об этом свидетельствует риторика этих стран, порой

противоречащая интересам наднационального политического образования.

Библиография/References:

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
2. Балюшина Ю.Л. Провинциальность как личностное свойство: социально-философский аспект // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 7. – С. 33–35.
3. Варзарь И.М. Политический провинциализм под аналитико-мизантропическим углом зрения // Наукові праці МАУП. – 2017. – Вип. 52(1). – С. 5–26.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. ст. И.Ю. Козлихина. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. – 752 с.
5. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. – 2011. – № 3(5). – С. 11–19.
6. Международное право: Мир. / Перевод с английского. Т. 1: полут. 1 Оппенгейм Л.; под ред.: Крылов С.Б. (Предисл.); пер.: Лаутерпахт Г. – М.: Инстр. лит., 1948. – 407 с.
7. Ницше Ф. К генеалогии морали /Пер. с нем. Н.Н. Полилов, К.А. Свасьян. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т.5. – М.: Культурная революция, 2012. – 480 с.
8. Сависаар Э. Правда об Эстонии. Том 1. – Таллин: Изд-во Midfield OU, 2012. – 445 с.
9. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1984. – 1004 с.
10. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.
11. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37–67.
12. Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. - Stanford, 1998. – 197 p.
13. Colomer J. M. great empires, small Nations: the uncertain future of the sovereign State. - L.; N. Y.: Routledge, 2007. - XIII, 114 p.
14. Kelsen H. General Theory of Law and State. - New York, 1995. - P 86.
15. Maier Ch.S. A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy and Denial // History and Memory. - 1993. - Vol. 5. - № 2. - P. 136-152.
16. Weiler J. The Constitution of Europe, "Do the New Clothes have an Emperor?" and Other Essays on European Integration. Cambridge, 1998.

1. Assman, A. (2016) Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi [New dissatisfaction with memorial culture] / per. s nem. B. Khlebnikova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 232 p. (In Russ.)
2. Baliushina, Iu.L. (2017) Provintsial'nost' kak lichnostnoe svoistvo: sotsial'no-filosofskii aspekt [Provinciality as a personal property: socio-philosophical aspect] // Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]. – № 7. – P. 33-35. (In Russ.)
3. Varzar', I.M. (2017) Politicheskii provintsializm pod analitiko-mizantropicheskim uglom zreniia [Political provincialism from an analytical-misanthropic point of view] // Naukovi pratsi MAUP. – Vip. 52 (1). – P. 5-26. (In Russ.)
4. Ellinek, G. (2004) Obshchee uchenie o gosudarstve [General doctrine of the state] / vstup. st. I.Iu. Kozlikhina. – SPb.: Iurid. tsentr «Press»,. – 752 p. (In Russ.)
5. Il'in, M.V. (2011) Al'ternativnye formy suverennoi gosudarstvennosti [Alternative forms of sovereign statehood] // Sravnitel'naia politika [Comparative Politics Russia]. – № 3 (5). – P. 11-19. (In Russ.)
6. Mezhdunarodnoe pravo: Mir. [International law: Peace] / Perevod s angliiskogo. T. 1: polut. 1 Oppengeim L.; pod red.: Krylov S.B. (Predisl.); per.: Lauterpakht G. – M.: Inostr. lit., 1948. – 407 p. (In Russ.)
7. Nitshe, F. (2012) K genealogii morali [To the genealogy of morality] / Per. s nem. H.H. Polilov, K.A. Svas'ian. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 tomakh. T. 5. – M.: Kul'turnaia revoliutsiia. – 480 p. (In Russ.)
8. Savisaar, E. (2012) Pravda ob Estonii [The truth about Estonia]. Tom 1. – Tallin: Izd-vo Midfield OU. – 445 p. (In Russ.)
9. Chudinov, A.N. (1984) Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo iazyka [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. – SPb.: Izdanie knigotorgovtva V.I. Gubinskogo. – 1004 p. (In Russ.)
10. Sheler, M. (1999) Resentiment v strukture morali [Resentiment in the structure of morals]. – SPb.: Nauka, Universitetskaia kniga. – 231 p. (In Russ.)
11. Shmitt, K. (1992) Poniatie politicheskogo [The concept of the political] // Voprosy sotsiologii [Issues of sociology]. – № 1. – P. 37-67. (In Russ.)